

наши публикации

О СМЕРТИ Чехова я узнал на рыбной ловле, под Владимиром-на-Клязьме. Сопровождавший утреннюю почту знакомый почтарь из Судогды остановил тарантас на плавучем мосту, поболтничав, как рыба, и, закури-вая, сказал: «еще не читали. Чехов помер». Известие не было неожиданным: уже по газетам чувствовалось, что конец близок. Мы поговорили о покойном. Почтарь читал «веселые» его рассказы, вспомнил «Винт», «Сирену», еще что-то...

— «Душа отдыхала. Придешь со службы, поешь и сейчас что-нибудь из Чехова. И такое, знаете, успокоение нервов... сразу и заснешь».

— «Царство ему небесное...» — вздохнул ловивший со мной никола-мокринский дьякон, и на его испитом, дергавшемся лице изобразилась искренняя печаль. — «Вы «Архиерея» прочитайте, ничего подобного никто не писал».

Иван ШМЕЛЕВ

Он вытаскивал фунтового соменка и не сказал свою приговорочку при удаче — «ловись, рыба большая-маленькая».

— «Это как бы в его память: любил рыбку ловить, покойник».

— «А про «Налима»-то!..» — воодушевился почтарь, — «со смеху лопнешь, до чего же замечательно!..»

— «Любил рыбку ловить, покойник...» — задумчиво повторил дьякон, и в его голубых глазах, заслезились от волнения, затуманилось грустью.

Он начал сматывать удочки, вымыл ослизшие руки и вытер о затрепанный белый подрясник с присохшей чешуей. Утро разгоралось, рыба брала лениво. Мы пришли на весь день и еще часть ночи захватили, — кидали подпуска, не попадет ли стерлядка. Сели закутить на бережку, подремали. Да, любил рыбку ловить... Вспомнилось из дней юности, как посчастливилось мне встретиться с Чеховым, о котором тогда и не слыхивал, в Мещанском саду, в Москве, на пруду. Светом хлынуло на меня, и было в этом свете такое благостное, что захотелось поделиться с дьяконом. Много я узнал от него из жизни духовенства и по рыбной ловле: лучший был рыболов в округе, а про рыбью жизнь мог рассказать не хуже Аксакова.

— «Ну-с, пришли за карасями на зорьке?»

— «И видим, с приятелем Женькой: как раз на нашем месте, где прикормка, сидит незнакомец, в соломенной шляпе, в пестрых брюках голенастый... — и карася за карасем! А караси — как лапоть. Женька сердито тмыкнул и говорит, с намеком:

— «Раз правил не знают, садятся на чужое место... приходится перейти на другое!..»

А перейти-то и некуда, все ветлы, забросить трудно. Женька как раз поплавок хотел обновить, «дикобразово перо», за 75 копеек, — латинский словарь букинсту оттащил. Стал забрасывать, поплавок и зацепился за ветку, да сажень в трех от берега, — очень развесистые ветлы. Звонил-звонил, дергал-дергал... — не отцепляется. А незнакомец...

в чесуче, помню, пиджаке, в пенсне, лицо приятное, умное... вытаскил крупнейшего карася! принял на сачок и говорит, нам будто:

— «Не карась, а золотая медаль!»

Сердце, прямо, у нас упало.

— «Плевать!..» — кричит Женька, — «правил не признают, — рядом буду закидывать!..»

Подшли, глядим: поплавок незнакомец тихо так повело, даже не ткнуло. Насторожился он, удилец чуть подал, не потревожить чтобы... — мастера сразу видно. А оно прямо к оскоке повело. Подсек умеючи, стал выводить... — невиданный карасище, мохом, будто, зарос, золотцем чу-уть поблескивает. Голенастый тут все забыл, в воду даже ступил в ботинках, схватил под жабры и выкинул на берег, — ткнуло, как кирпич. Вывернул из жирной губы крючок... — «колючко» у карасищи в копейку было, гармония словно, — и говорит:

— «Июль, а этот, видно, Аксакова не читал, дуром лезет. Таким карасям в апреле-мае полагается ловиться, когда черемуха цветет. А вы что же не зажариваете?»

Тут Женька, с досады, уж огрызнулся:

— «Зажарим, когда поймает!»

А клеветка перестало, как отрезало. Стал Женька опять звонить, — не отцепляется. Незнакомец и говорит, очень предупредительно:

— «Возьмите мою запасную. Настоящий рыболов должен всегда иметь в за-

ские эскимосы! Вы, значит, индейские обычаи тоже знаете?»

— «Как же, до мелочей... и сейчас люблю читать про индейцев».

Это совсем подкупило Женьку, знавшего индейцев, как свои пять пальцев.

— «Приятно встретить соратника...» — сказал он совсем мирно.

— «Понимаю ваше положение, раз дали слово ловить то-лько на «дикобразово перо». Тогда вот что. Мне в Кусково надо, в гости, куда же мне карасей... возьмите для пеммикана».

Вынул серебряный портсигар и угощает:

— «Не выкурят ли со мной мои краснокожие братья трубку мира?»

Мы курили только «тере-тере», похуже на березовые листья, но взяли из вежливости, одну папироску на двоих. Сели все трое и покурили молча, как всегда делают индейцы. Незнакомец поглядывал на нас и искусно проделал горлом, как дети Скалистых Гор:

— «Отныне мир!» — и протянул нам руку.

В волнении мы пожали ее молча.

— «Отныне», — продолжал приятный незнакомец, — «моя леска — твоя леска, твоя прикормка — моя прикормка, мои караси — твои караси!» — и очень приятно засмеялся, прищурив глаз.

Мы тоже засмеялись, и все закурились от его удивительно душистой папиросы. Тут же приятный незнакомец прибавил еще приятности, показав сетчатый

Посвящается П. П. и А. В. КАРТАШЕВЫМ

ПРИВОЛЬЕ

Написано к 45-летию кончины А. П. ЧЕХОВА

пасе на всякий пожарный случай, это же азбука нашего ремесла! — чуть с задорцем.

Женьку задело наставление, да такой тон еще, с задорцем, он и говорит:

— «Азбуку» вашу я отлично знаю... дело не в «аз-буке»! а я дал себе слово, как один индейский рыболов у Густава Эмара... ловить то-лько на «дикобразово перо»!..»

И все звонит и звонит. Незнакомец подошел к нам и говорит примирительно:

— «Ну, доставьте мне удовольствие, вот отличная леска и чуткий поплавок, специально на леща... но карась ему родственник. Мне досадно, что случайно уселся на ваше место, уж не сердитесь...»

И ласково потрепал Женьку по синей его рубашке, по «нидейской», выкрашенной особой краской, «инди-го», только индейцы знают. Сразу и оттаял Женька, осклабился:

— «Вы не думайте, что из жадности мы обиделись... меньше нам карасей останется... тут не караси... а нам для пеммикана надо».

— «А-а...» — говорит, — «вам для пеммикана высушите и в порошок истолчете?»

— «Ну да, в рыбную муку... так всегда индейцы «Великих Озер» и американ-

садов, полный карасей, и пожелал удачного приготовления пеммикана. Стал собираться, снимал удочки с рогулек и поставил промокшие ботинки сушиться на солнышке. Мы стали ловить на нашем месте, но брала все больше мелочишка, «пятачки», называл так наш бледнолицый брат. Разоткровенничавшийся Женька не удержался и сообщил, что «дикобразово перо» — самое дорогое, 75 копеек, у Перешивкина, на Моховой, и добыто в обмен на латинский словарь, у букинста.

— «Знаю, сам, бывало, выменивал...» — сказал чудесный незнакомец и попробовал отцепить «перо».

Но ничего не вышло.

— «Жаль! такое волшебное перо, и должно погибнуть!.. Не отпилить ли сук?»

— «Нет, оно не погибнет!» — восторженно крикнул Женька и, стаяв «индейские» сапоги, расписанные вохрой, бросился в штаны и синей своей рубашке в воду.

— «Да что он, чудак, делает!» — воскликнул наш бледнолицый брат, — «вот, горячая голова!»

Женька плыл саженьками, с перочинным ножом в зубах, как делают в подобных случаях отважные индейцы и эскимосы, отхватил ветку и поплыл к берегу с волшебным пером в зубах.

— «Вот!..» — победно крикнул он приятному незнакомцу, отные — «брату»: «задача решена, линия проведена и треугольник построен!»

Это была его любимая поговорка, когда удавалось дело.

— «Будем отные ловить вместе, за-вдоль будет расчищено!»

Бледнолицый брат вынул из бокового кармашка записную книжку и что-то записал карандашиком. Потом внимательно осматрел «дикобразово перо» и сказал, что непременно заведет себе такое же.

— «У Перешивкина, на Моховой?»

Женька, постукивая от утреннего холода зубами, сказал взволнованно:

— «Отныне это «дикобразово перо» — ваше, оно принесет вам счастливый лов!»

Приятнейший незнакомец принял перо, прижал к полосатому жилету, сказал гортанно, по-индейски, — «попо-как-е-петлы!» — что значит «великое сердце», и положил в боковой кармашек, где записная книжка. Потом, в видимом волнении, молча, пожал нам руки, надел — сырые еще ботинки и удалился, широко, «по-охотничьи», шагая.

— «Про-стяга!» — взволнованно сказал Женька — «вышную похвалу: он не бросал слов на ветер, а запирал их «забором зубов», как благородные индейцы.

Тут откуда-то появился «Кривоносый», надзиратель училища, неся на конце удилца единственного карася, потряс пальцем и крикнул нам, еще более скривив нос:

— «Отвратительно себя ведете, будет доведено до сведения вашего гимназического начальства! грубить уважаемому человеку!.. больше вашей ноги здесь не будет!..»

Женька крикнул ему вдогон, подражал скрипучему его голосу:

— «Мало вас дррали, гррубиянов!..» — явно дразня «Кривоноса», как ученики Мещанского училища, сплюнул и прошипел: «бледнолицая с-собака!..»

Сильней припекало, от Женьки валил пар, словно, его сварили, и сейчас будут лировать враги. Пришел Сашка Верекин, наш гимназист, сын инспектора училища, и рассказал, узнав наше приключение с приятным незнакомцем, что это брат надзирателя Ивана Павловича Чехова, всю ночь дулся в винт у дежурных надзирателей, а потом пошел ловить карасей.

— «Заядлый рыболов... и... пи-са-тель-сочинитель, пишет всегда смешное, можно прочитать в «Будильнике» и в «Сверчке»... здорово может прохватить!..»

Мы были чуть не в страхе, что может прохватить.

— «Да, он все смешное записывает в книжечку...»

— «И про нас, значит, записал!..» — воскликнул Женька.

— «Обязательно, все изобразит, увидит! А для смеха подписывает под рассказиком не свою фамилию, а — «Антоша Чехонте»! А «Кривоноса» теперь выгонят, непременно скажу папаше. Уж про него написано в кондуит, что «ставит банки» и два раза был на дежурстве не в порядке. Так и написано: «последнее предупреждение».

Женька сказал: «Чорт с ним, не стоит ябедничать, это неблагоприятно».

Он теперь сушил спину, вывернув к нам голову: нежное что-то было в суровом его лице.

Случилось в нашей жизни такое светлое, что и сейчас помню. Все встает особенно ярко, как прочитаешь его рассказ — «Монтигомо и Ястребиный Коготь». Это у него осталось, конечно, от встречи с нами.

— «А ведь и впрямь!..» — вскричал дьякон. — «Замечательно изобразил, хоть там и нет про «дикобразово перо»... А не пора ли и за дело? На мосту нечего возиться, сено уж повезли с поймы, и мужики едут на базар, мешать будут. А мы вот что... не попробовать ли на «кружки»? я прихватил на случай, и живцы еще есть, и лягушек с десятком, на соми-ков, а? Давайте-ка, запустим на «перевертки!»

Я согласился. Со мной тоже были кружки, с полдюжины.

Мы сели в широкую дьякону лодку, ко всему приспособленную, забрали весь наш рыбачий скарб, и поплыли вниз, за мост, в привольные места, где Клязьма шире, и много заводей. День ослеплял блистаньем. Река — зеркально-сверкающая гладь, с всплесками еще игравшей рыбы. Было часам к 7, бор еще не прошел. Отъехав с версту, мы стали налаживать и наживлять наши плавучие жерлицы.

Рыболовы знают, что такое «перевертки», или «кружки», но не всякий, ведь, рыболов. Кружки, диаметром в четверть, из пробки, окрашенной сверху красным, со вставленным в самой середине колышком или «свечкой», выкрашенной белой краской. Вверху «свечки» — расщеп, для бечевки плавучей жерлицы. В кружке, по обрезу, сделана выемка, куда сматывает-

Замечательный русский писатель, человек с открытой и отзывчивой душой, Иван Сергеевич Шмелев (1873 — 1950) умер 40 лет тому назад, 24 июня 1950 года в женской обители Покрова Пресвятой Богородицы во Франции (Бюсси-ан-Отт). Кончина его была легкой, хотя перед смертью писатель много болел. В. Ф. Зеелер, генеральный секретарь Союза русских литераторов и журналистов в Париже, писал в некрологе: «Большим, несмотря на докторские запреты, написал два чудесных — Шмелевских — рассказа: «Приволье» и «Приятная прогулка». Писал в порыве, как бы желая наверстать «пустые пространства» творческого безделья».

Ныне творчество Шмелева наконец возвращается на Родину — уже напечатаны у нас «Лето Господне», «Богомолье», «Солнце мертвых», «На поле Куликовом». В Алуште сохранился дом, где Шмелев жил в 1920 — 1921 годах. Для создания в нем музея в Алуште открыт счет № 142425, отдел культуры Алуштинского Жилсоцбанка, МФО банна 324032.

Публикатор просит перечислить гонорар за публикацию на этот счет.

Рисунок Юрия Корнышева.

(Окончание на стр. 20)